

Международное право и международные организации / International Law and International Organizations

Правильная ссылка на статью:

Тебенкова В.Н. Доктрина последствий как основание установления юрисдикции государств в киберпространстве // Международное право и международные организации / International Law and International Organizations. 2024. № 1. DOI: 10.7256/2454-0633.2024.1.70050 EDN: EWKWOR URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70050

Доктрина последствий как основание установления юрисдикции государств в киберпространстве

Тебенкова Виктория Николаевна

аспирант, кафедра международного права, Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

123001, Россия, Москва, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9

✉ vikivik.teb@gmail.com

[Статья из рубрики "Теория"](#)

DOI:

10.7256/2454-0633.2024.1.70050

EDN:

EWKWOR

Дата направления статьи в редакцию:

04-03-2024

Дата публикации:

26-03-2024

Аннотация: Важной особенностью киберпространства является его трансграничный характер, обусловленный отсутствием физических границ и децентрализацией инфраструктуры и пользователей. В связи с тем, что все транзакции в киберпространстве потенциально пересекают государственные границы и оказывают влияние на объекты и субъектов в различных государствах, последствия определенных действий могут ощущаться во множестве юрисдикций. При этом традиционные связи между правонарушением и государством на основе территориальности, национальности или необходимости защиты фундаментальных национальных интересов могут отсутствовать. В подобных случаях юрисдикцию предлагается устанавливать на основании доктрины последствий. Однако возражения ряда государств против подобного экстратерриториального распространения иностранного законодательства и

неопределенный характер доктрины последствий породили вопросы относительно соответствия доктрины последствий международному праву. На основе анализа международных договоров, практики и позиций государств и международных организаций, научных исследований и иных доктринальных источников были сделаны следующие выводы. Доктрина последствий получает все более активное признание в качестве принципа установления юрисдикции государств путем формирования нормы международного обычного права. Однако возражения относительно применения данной доктрины, особенно в случаях установления юрисдикции по уголовным делам, продолжают высказываться. Общепризнанные условия применения доктрины последствий заключаются в следующем: государство, принимающее законодательство, основанное на доктрине последствий, должно иметь международно-приемлемую заинтересованность в этом; последствия должны быть прямыми, предсказуемыми и существенными; не должно происходить ущемление законных интересов других государств или иностранных лиц, не имеющих существенной связи с государством, которое претендует на осуществление такой юрисдикции. Следует рассмотреть иные механизмы, позволяющие ограничить охват действий, подпадающих под юрисдикцию государства: применять принцип нацеливания, требующий осуществлять оценку действий, которые лицо предпринимало в целях того, чтобы подпадать или не подпадать под юрисдикцию государства; применять особые меры ответственности, связанные не с наложением санкций на лиц, осуществляющих незаконное поведение, а с созданием препятствий, для осуществления подобной деятельности, например, осуществлять блокировку доступа к информации, которая является незаконной с точки зрения государства. Сочетание подобных механизмов могло бы более сбалансированным образом пресекать нежелательную деятельность и не создавать неоправданных рисков для субъектов киберпространства.

Ключевые слова:

международное право, киберпространство, юрисдикция в киберпространстве, юрисдикция в Интернете, экстратерриториальная юрисдикция, принципы юрисдикции, тетерриториальный принцип, доктрина последствий, принцип объективной территориальности, принцип таргентинга

Введение

Особенности киберпространства, представляющего собой глобальную взаимосвязанную цифровую среду, включая аппаратное и программное обеспечение, данные и пользователей, а также логические взаимосвязи между ними, приводят к тому, что влияние определенной деятельности может распространяться далеко за пределы территориального местоположения лица, которое подобную деятельность осуществляет.

В одной из работ, посвященных регулированию киберпространства, в целях наглядной иллюстрации предлагается представить «карту последствий» каких-либо действий в 1450 году, 1950 году и в настоящее время [\[1, с.1381\]](#). В 1450 году последствия каких-либо действий вряд ли распространялись бы далеко от места их совершения. Изменения в коммуникационных и транспортных технологиях, а также увеличение случаев пересечения границ и трансграничных сделок привело к тому, что в 1950 году последствия имели бы более широкий географический охват, однако, по большей части все равно оставались бы ограничены определенной территорией [\[1, с.1382\]](#).

Карта последствий, отображающая события и транзакции, происходящие в настоящее время в киберпространстве, выглядела бы совсем иначе, так как все транзакции в киберпространстве потенциально пересекают государственные границы и могут оказывать влияние на объекты и субъектов в различных юрисдикциях [\[1, с.1382-1383\]](#).

Подобные последствия могут иметь разный масштаб и затрагивать как более частные интересы, например, при публикации в Интернете информации, порочащей честь, достоинство, деловую репутацию лица, нарушающей авторские права, так и публичные интересы, например, в случае получения неправомерного доступа к информационным базам крупных корпораций или государства.

Основная сложность пресечения подобной деятельности и наложения санкций на осуществляющих ее лиц состоит в том, что достаточная связь между правонарушением, правонарушителем и местом возникновения последствий, необходимая для установления юрисдикции на основе традиционных принципов территориальности, национальности и защиты, может отсутствовать.

В отношении подобных случаев предлагается устанавливать юрисдикцию на основании доктрины последствий.

Однако возражения ряда государств и ученых [\[2, с.238\]](#) против подобного экстратерриториального распространения иностранного законодательства и неопределенный характер доктрины последствий породили вопросы относительно соответствия доктрины последствий международному праву.

Доктрина последствий рассматривается в основном в работах зарубежных исследователей. Среди ученых можно выделить Седрика Рингарта (Cedric Ryngaert), анализировавшего доктрину последствий в общем международном праве, а также применительно к установлению юрисдикции по антимонопольным делам, Томаса Шульца (Thomas Schultz) изучавшего использование доктрины последствий при регулировании Интернет-контента, авторов Таллиннского руководства 2.0 по международному праву, применимому к кибероперациям, под редакцией Майкла Шмидта (Michael N. Schmitt), отразивших особенности установления юрисдикции по уголовным делам в киберпространстве.

В российской научной литературе доктрина последствий исследуется в работах А.Р. Каюмовой, анализировавшей уголовную юрисдикцию в международном праве, а также в работах Л.В. Терентьевой рассматривающей доктрину последствий в качестве экстратерриториального проявления юрисдикции государства в международном и национальном праве отдельных государств.

Вместе с тем комплексного исследования доктрины последствий в международном праве в целом, а также при установлении юрисдикции государств в киберпространстве в российской науке не представлено, что обосновывает актуальность настоящей статьи.

Предмет данного исследования составили нормы международных соглашений и национальных законов, регулирующие отношения по установлению юрисдикции на основании доктрины последствий, а также материалы и судебной практики, доктринальные источники по теме статьи.

Цель статьи заключается в построении концепции установления юрисдикции государства на основании доктрины последствий для регулирования отношений по использованию киберпространства и достигается за счет решения следующих задач: анализ института

юрисдикции государств в международном праве; выявление истории становления и современного состояния доктрины последствий в международном праве; формулировка ограничений установления юрисдикции на основании доктрины последствий; обозначение механизмов ограничения экстратерриториального распространения юрисдикции на основании доктрины последствий.

Юрисдикция в международном праве

Термин «юрисдикция» не имеет нормативного закрепления в международном праве. На доктринальном уровне юрисдикцию государств, как правило, понимают в качестве проявления суверенитета и определяют как способность государств предписывать и исполнять нормы права [\[3, с.19\]](#).

Юрисдикция государств проявляется посредством установления правил поведения (законодательная юрисдикция), осуществления процедур выявления нарушений и определения последствий нарушений (судебная юрисдикция), и путем принудительного применения последствий за предполагаемые нарушения (исполнительная юрисдикция) [\[4\]](#).

Подчеркивая связь юрисдикции как проявления государственного суверенитета с международным правом, призванным согласовать проявления воли различных государств, можно привести определение профессора Малкольма Шоу (Malcolm Shaw) По мнению ученого юрисдикция касается полномочий государства по международному праву регулировать или иным образом воздействовать на людей, имущество и обстоятельства посредством законодательных, исполнительных или судебных мер и отражает основные принципы государственного суверенитета, равенства государств и невмешательства во внутренние дела [\[5, с.813\]](#).

Таким образом, международное право должно гарантировать, что государства устанавливают и осуществляют свою юрисдикцию не произвольным образом, а с учетом наличия интереса иных государств и принципов невмешательства и суверенного равенства государств, и не заявляют о своей юрисдикции в отношении дел, в которых это является неоправданным посягательством на суверенитет другого государства [\[6, с.6\]](#).

В связи с этим в международном праве были выработаны определенные принципы юрисдикции, демонстрирующие наличие законных интересов государства при установлении его юрисдикции в том или ином случае на основе достаточной связи с соответствующим лицом, имуществом и действиями [\[7, с.275\]](#): территориальный принцип; национальный принцип; принцип защиты; универсальный принцип.

Доктрина последствий, изначально рассматриваемая в качестве подвида территориального принципа, сегодня выделяется в качестве самостоятельного принципа юрисдикции, обладающего собственной спецификой и важным значением в условиях глобальных коммуникаций, обеспечиваемых современными информационно-коммуникационными технологиями [\[8, с. 206-207\]](#).

Ряд авторов связывают зарождение доктрины последствий в международном праве с решением Постоянной палаты международного правосудия (далее – ППМП) по делу Лотус (Lotus (France v Turkey), PCIJ Series A, No 10, 7 September 1927) [\[9, с.15\]](#), в котором было указано, что: «не существует нормы международного права, запрещающей государству, которому принадлежит судно, на котором имели место последствия

правонарушения, рассматривать правонарушение как совершенное на его территории и, соответственно, привлекать к ответственности правонарушителя».

Однако более справедливо иное мнение, согласно которому в данном деле ПМПП ссылалась на существовавший в то время принцип объективной территориальности [\[6, с.38\]](#), а также рассмотрела природу экстратерриториальной предписывающей юрисдикции государства, отметив, что государству не требуется наличия разрешительной нормы международного права для распространения действия своих законов на лиц, имущество и действия за пределами его территории, а требуется только не нарушать ограничения, которые международное право налагает на его юрисдикцию.

Доктрина последствий, в свою очередь, зародилась и получила развитие в рамках антимонопольного права США в середине 20 века и была направлена на регулирование деятельности, осуществляемой за пределами территории США, но последствия которой возникали в США.

Так, в 1945 году Второй окружной суд постановил в антимонопольном деле *Alcoa (United States v. Alcoa, 148 F.2d 416 (2d Cir. 1945))*, что суды США обладают юрисдикцией в отношении иностранного поведения, затрагивающего США, указав, что: «любое государство может привлекать к ответственности иностранных лиц за деятельность, осуществляемую за пределами государственных границ, которая влечет за собой последствия на территории государства и которую государство считает противоправной».

Рост объемов мировой торговли и сферы услуг, глобализация мировой торговли, увеличение числа каналов связи, средств массовой коммуникации, в том числе появление Интернета, способствовали тому, что различные государства все чаще стали ссылаться на доктрину последствий для обоснования установления юрисдикции в различных сферах: в антимонопольном праве [\[6, с.82-84\]](#), законодательстве о рынке ценных бумаг и по спорам, связанным с размещением информации в Интернете [\[7, с.278\]](#).

Долгое время примеры законодательной и судебной практики, основанной на доктрине последствий, относились к США и странам Европейского Союза. Однако сегодня доктрина последствий находит свое отражение в праве все большего количества государств с различными правовыми системами.

Одним из примеров является Китай, до недавнего времени придерживавшийся концепции ограничения экстратерриториальной юрисдикции. Возрастание роли Китая в мировой торговле привело к появлению в правовой системе государства положений, распространяющих действие китайского законодательства за пределы территориальных границ.

Доктрина последствий получила отражение в принятом в 2007 году Антимонопольном законе, применяемом к монополистическим актам, совершаемым за пределами территории Китая, которые устраняют или оказывают ограничивающее воздействие на конкуренцию на внутреннем рынке Китая, а также в поправках 2019 года в Закон о ценных бумагах Китая, предусматривающих ответственность в случае, если размещение ценных бумаг и торговля ими за пределами Китайской Народной Республики нарушают порядок на внутреннем рынке Китайской Народной Республики и ущемляют законные права и интересы отечественных инвесторов [\[10\]](#).

В российском праве, по мнению Л.В. Терентьевой, доктрина последствий проявляется в спорах, возникающих из причинения вреда, имевшего место за пределами Российской

Федерации, но вредоносные последствия которого возникли на ее территории (п. 4 ч. 1 ст. 247 АПК РФ), в отношении деятельности, имеющей место на территории иностранного государства, по выдаче оператором поисковой системы ссылок, позволяющих получить доступ к информации в сети Интернет (п. 11 ч. 3 ст. 402 ГПК), а также при распространении в сети Интернет рекламы, направленной на привлечение внимания потребителей, находящихся на территории Российской Федерации (п. 2 ч. 3 ст. 402 ГПК) [\[11, с. 172-173\]](#)

В связи с увеличением количества практики государств в исследованиях, посвященных вопросам экстратерриториальной юрисдикции, доктрина последствий стала выделяться в качестве самостоятельного принципа юрисдикции государств.

В частности, в Докладе Комиссии международного права ООН, затрагивающем вопросы экстратерриториальной юрисдикции, со ссылкой на наличие практики государств данная доктрина выделена в качестве принципа юрисдикции по гражданским и уголовным делам [\[7, с.275-279\]](#).

Международная ассоциация юристов в исследовании по экстратерриториальной юрисдикции указала, что та или иная форма доктрины последствий применяется практически во всех юрисдикциях, отметив, однако, что как значение, так и применение доктрины значительно различаются, а в некоторых случаях недостаточно разработаны [\[12, с. 12\]](#).

Во Всестороннем исследовании киберпреступности, подготовленном Управлением ООН по наркотикам и преступности, доктрина последствий, наряду с объективным территориальным принципом, была выделена в качестве принципа, обеспечивающего наибольшую эффективную основу юрисдикции по уголовным делам о киберпреступлениях [\[13, с. 275-279\]](#).

Несмотря на то, что принципиальных различий между уголовной и гражданской юрисдикцией государств в том, что касается устанавливаемых международным правом ограничений, не имеется [\[14, с. 427\]](#), проблему применения доктрины последствий в целях установления юрисдикции по уголовным делам можно выделить отдельным вопросом. Подобное выделение связано с тем, что осуществление юрисдикции по уголовным делам сопряжено с применением более серьезных неблагоприятных последствий для нарушителя, в связи с чем установление юрисдикции по уголовным делам вызывает больше всего дипломатических протестов и, соответственно, более полным образом регулируется международным правом [\[14, с. 427\]](#).

В международных конвенциях, затрагивающих вопросы установления юрисдикции по уголовным делам, доктрина последствий на сегодняшний день не получила широкого отражения.

В качестве исключения можно отметить подпункт «а» пункта 1 статьи 27 Конвенции ООН по морскому праву, где предусмотрено, что уголовная юрисдикция прибрежного государства может устанавливаться в случае, если последствия преступления распространяются на прибрежное государство.

Профессор А.Р. Каюмова считает, что доктрина последствий также получила опосредованное закрепление в ряде конвенций [\[15, с.117-118\]](#). В частности, в Конвенции ООН против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 года указано, что государство может осуществить юрисдикцию в отношении лица,

которое за пределами его территории вступило в преступный сговор, предприняло попытку совершить правонарушение, либо осуществляло пособничество, подстрекательство, содействие или дачу советов с целью последующего совершения на территории государства правонарушения, признанного таковым в соответствии с пунктом 1 статьи 3 данной конвенции. Аналогичные основания, позволяющие государствам устанавливать юрисдикцию в случаях, когда лицо за пределами территории государства осуществляет противоправные действия с целью распространения последствий данных действий на территории государства, содержатся в Конвенции ООН против транснациональной организованной 2000 года и в Конвенция ООН против коррупции 2003 года.

По мнению А.Р. Каюмовой необъяснимым является факт отсутствия доктрины последствий в Конвенции о преступности в сфере компьютерной информации 2001 года, так как «сама природа компьютерных преступлений такова, что один неверный набор клавиатуры компьютера на одной стороне планеты может привести к сбою какой-нибудь локальной сети и нанести серьезный ущерб на другом конце земного шара» [\[15, с.119\]](#).

Можно предположить, что отсутствие в данной конвенции подобных положений обусловлено недостаточной обоснованностью доктрины последствий и незначительным объемом практики государств по осуществлению юрисдикции в отношении киберпреступлений в момент работы над проектом конвенции.

Вместе с тем сложности с неопределенным характером доктрины последствий приводят к тому, что государства и в настоящий момент с большой осторожностью относятся к включению данного принципа в проекты международных договоров. Об этом свидетельствует тот факт, что при разработке проекта Конвенции ООН о киберпреступности положение о возможности установления юрисдикции на основании доктрины последствий было исключено из переговорного документа в связи с опасениями ряда государств, например, стран Карибского сообщества [\[16\]](#), Грузии [\[17\]](#), Японии [\[18\]](#), относительно возможности чрезмерно широких трактовок данного принципа и неоправданного расширения экстратерриториальной юрисдикции государств.

Отметим, однако, что во всех ранее упоминаемых конвенциях содержатся положения о том, что государства могут устанавливать свою юрисдикцию в соответствии со своим внутренним законодательством, что расширяет юрисдикционные основания и позволяет ссылаться на доктрину последствий, если она находит закрепление в национальном праве.

Установление юрисдикции в отношении последствий определенной деятельности также может быть обусловлено ссылкой на иные принципы юрисдикции, в частности на необходимость защиты граждан (пассивный национальный принцип), самого государства (принцип защиты) или включением последствий в необходимый элемент преступления (объективный территориальный принцип).

В качестве иллюстрации можно рассмотреть решение французского суда по иску Международной лиги против расизма и антисемитизма (LICRA) к компании Yahoo (Yahoo! Inc. v. La Ligue Contre Le Racisme et L'Antisemitisme 145 F. Supp. 2d 1168 (N.D. Cal. 2001) (далее – дело Yahoo) о принятии мер, направленных на предотвращение продажи на аукционном веб-сайте Yahoo вещей, связанных с нацизмом.

Возникновение данного спора связано с тем, что на американском сайте компании Yahoo размещались объявления о продаже товаров с нацистской атрибутикой. Несмотря на то,

что действия по размещению и продаже товара, а также хранению информации и изображений имели место на территории США, доступ к сайту и возможность приобрести на нем товар имели граждане Франции, на территории которой демонстрация и продажа подобных товаров являлась нарушением закона.

Французский суд признал себя компетентным рассматривать спор со ссылкой на то, что ущерб от поведения компании Yahoo был нанесен во Франции. Суд указал, что, разрешив демонстрацию этих товаров и возможное участие интернет-пользователей во Франции в такой экспозиции/продаже, Yahoo совершает правонарушение на территории Франции.

Французский суд не анализировал теоретические вопросы установления юрисдикции в данном деле. В случае проведения подобного анализа с точки зрения международного права, французский суд опирался бы на доктрину последствий, либо на объективную территориальность [\[19, с. 811\]](#): если рассматриваемое поведение истолковать как предоставление информации, доступной на экранах компьютеров во Франции, то опираться следует на принцип объективной территориальности, а если как результат загрузки информации на веб-сайт за рубежом, доступный пользователям Интернета на территории Франции, то на доктрину последствий [\[20, с.150\]](#).

Подобный пример демонстрирует, что разграничение доктрины последствий и иных принципов юрисдикции государства часто входит в сферу национального права и зависит от конкретных формулировок законодательных норм. Кроме того, национальный законодатель может регулировать последствия определенной деятельности ссылаясь при этом на иные признанные в международном праве принципы юрисдикции, но фактически применяя доктрину последствий.

В связи с этим можно согласиться с профессором Седриком Рингартом, по мнению которого, для законного установления территориальной юрисдикции государств согласно международному праву достаточно, чтобы либо преступное деяние, либо его последствия имели место на территории государства независимо от национальной квалификации деяния или последствий (на практике обычно последствий) в качестве составного элемента преступления [\[6, с.78\]](#).

Условия применения доктрины последствий

Активное применение доктрины последствий, особенно в отношении киберпространства, может способствовать чрезмерно широкому распространению экстратерриториальной юрисдикции государств и привести к конфликту юрисдикций.

Так, размещение какой-либо информации на сайте в сети Интернет означает, что каждое государство, на территории которого информация будет доступна, способно обосновать свою юрисдикцию в отношении данного сайта на основании доктрины последствий в связи с тем, что получить информацию сможет любое лицо, которое имеет выход в сеть.

Некоторые исследователи отмечают, что данная проблема является преувеличенной [\[19, с.813\]](#), так как эффективность государственного регулирования зависит от способности стимулировать или принуждать к соблюдению закона, то есть осуществлять правоприменительную юрисдикцию. В свою очередь правоприменительная юрисдикция ограничена территорией государства и может осуществляться за ее пределами только в силу разрешительной нормы международного права или согласия государства.

В связи с этим правоприменительная юрисдикция сама по себе выступает в качестве ограничительного фактора, позволяющего субъектам киберпространства беспокоиться о необходимости соблюдения законодательства только тех государств, которые могут осуществить в отношении данных лиц эффективную правоприменительную юрисдикцию, то есть государств, где субъекты находятся и/или имеют активы [\[21, с.198-200\]](#).

Подобные аргументы действительно имеют смысл. Однако, на наш взгляд, правоприменительная юрисдикция не может рассматриваться в качестве универсального средства, ограничивающего потенциально широкое применение доктрины последствий, по целому ряду причин.

Во-первых, подобный подход не соответствует сущности правового регулирования, направленного на упорядочивание общественных отношений путем создания четких и ясных правил поведения.

Во-вторых, субъекты киберпространства не могут знать законодательство всех стран мира, при этом высокая степень мобильности может привести к тому, что ранее отсутствовавшая связь между государством и лицом может возникнуть и привести к возможности эффективного исполнения решения. Данная проблема особенно актуальна для физических лиц, которые чаще совершают трансграничные передвижения и при этом, в отличие от компаний, не имеют возможности провести надлежащий анализ иностранного законодательства при перемещении в другую юрисдикцию.

Наконец, в международном частном праве существует институт признания и приведения в исполнение иностранных судебных решений, а в международном уголовном праве имеются такие формы правовой помощи, как выдача лиц для уголовного преследования или исполнения приговора (экстрадиция), а также реализация уголовного преследования по поручению другого государства. Подобные формы международного сотрудничества позволяют государству осуществить исполнительную юрисдикцию в иностранных государствах, в которых лицо находится или имеет активы.

В связи с этим установление юрисдикции на основании доктрины последствий должно ограничиваться не только сложностью осуществления исполнительной юрисдикции, но и соответствовать принципам разумности, справедливости и учитывать интересы других государств.

Авторы Таллиннского руководства 2.0 по международному праву, применимому к кибероперациям, выделяют следующие общепризнанные условия применения доктрины последствий.

Во-первых, государство, принимающее законодательство, основанное на доктрине последствий, должно иметь четкую и международно-приемлемую заинтересованность в этом.

Во-вторых, последствия должны быть достаточно прямыми, предсказуемыми и существенными, чтобы оправдать распространение законодательства государства на иностранных граждан за пределами его территории.

В-третьих, осуществление юрисдикции, основанной на доктрине последствий, не должно ущемлять ненадлежащим образом интересы других государств или иностранных граждан, не имеющих существенной связи с государством, которое претендует на осуществление такой юрисдикции [\[22, с.65\]](#).

Сложности возникают при практическом применении доктрины последствий в виду оценочных понятий «международно-приемлемая заинтересованность» и «прямые, предсказуемые и существенные последствия», толкование которых остается в руках национальных законодательных и правоприменительных органов.

Данная проблема может быть продемонстрирована особенно ясно на примере дел о размещении информации в Интернете, что связано с различной степенью свободы выражения мнений в разных странах [\[23, с.88\]](#).

В ранее упоминаемом деле Yahoo различия французского и американского законодательства привели к тому, что на территории Франции продажа предметов с нацистской символикой являлась противоправным действием, тогда как в США данные действия защищались первой поправкой к Конституции США, гарантирующей свободу слова и выражения мнений. В другом деле немецкий суд привлек к уголовной ответственности гражданина Австралии за публикацию на веб-сайте, расположенном на австралийском сервере, информации, связанной с отрицанием Холокоста [\[8, с.8-10\]](#).

В вышеобозначенных случаях различия во внутреннем законодательстве государств привели к тому, что одни и те же действия лица рассматривались как допустимые в одной юрисдикции, а в другой являлись нарушением законодательства. При этом лицо, осуществляющее подобную деятельность, могло полагаться на допустимый характер данных действий в юрисдикции, в которой оно преимущественно находилось.

Одним из способов решения проблемы дублирования юрисдикций и снижения негативных последствий для нарушителя, который мог не знать о нарушении законодательства какого-либо государства, является применение так называемого принципа нацеливания, известного также как принцип таргетинга. Сущность принципа нацеливания заключается в том, что оценке подвергаются действия, которые лицо целенаправленно совершило, чтобы подпадать или напротив избежать подпадания под юрисдикцию какого-либо государства [\[24, с.239-240\]](#).

Вариации принципа нацеливания можно найти в законодательной практике различных государств: например в Российской Федерации Федеральный закон «О рекламе» применяется к отношениям в сфере рекламы независимо от места ее производства, если распространение рекламы осуществляется на территории Российской Федерации, а Закон «О средствах массовой информации» применяется в отношении иностранных СМИ в части, касающейся распространения их продукции в Российской Федерации.

Однако более четкая разработка содержания принципа нацеливания относится к судебной практике национальных судов, формирующих правовые позиции по конкретным делам. Применяя принцип нацеливания национальные суды государств признавали действиями, направленными на создание последствий на территории государства, например: предоставление подписок на онлайн-журналы пользователям государства (Gutnick v. Dow Jones & Co. Inc. [\[2001\]](#) VSC 305.), распространение таргетированной рекламы на пользователей определенной страны (дело Yahoo).

Применение принципа нацеливания является достаточно эффективным средством уменьшения потенциального числа юрисдикций. Кроме того, в таком случае осуществляется разумное регулирование деятельности поставщиков контента, которые, с одной стороны, могут беспокоиться о соблюдении законодательства лишь тех государств, в которые они направляют свой контент [\[18, с. 817-818\]](#), с другой стороны, не могут просто переместиться в более «мягкий» правовой режим, по-прежнему направляя информацию

на ту же территорию [\[18, с. 817-818\]](#).

Однако высокая оценочная степень того, какие действия будут рассматриваться конкретным законодателем и правоприменителем в качестве направленных на территорию государства, приводит к тому, что и принцип нацеливания не позволяет создать должную правовую определенность: будет ли приниматься во внимание язык или валюта, используемые на веб-сайте, имеют ли значение положения правил и условий пользования веб-сайтом, достаточно ли брать у пользователей веб-сайта заявления о том, что они находятся/не находятся под определенной юрисдикцией, необходимо ли проводить фильтрацию пользователей и т.д. [\[18, с. 818\]](#)?

Особенно актуальна данная проблема для установления юрисдикции по уголовным делам по причине необходимости наличия большей правовой определенности в части указания на то, какое поведение будет рассматриваться в качестве наказуемого.

В связи с тем, что однозначное и исчерпывающее закрепление критериев применения доктрины последствий вряд ли возможно в виду оценочных понятий, лежащих в ее основе, ряд специалистов предлагает полностью отказаться от доктрины последствий по делам, связанным с рассмотрением споров в киберпространстве, и применять исключительно принципы национальности и объективной территориальности для рассмотрения подобных дел, особенно в случаях установления юрисдикции по уголовным делам [\[25, с.88\]](#).

Однако, как было указано выше, разграничение доктрины последствий и иных принципов установления юрисдикции часто содержится в сфере национального права, а широкие трактовки данных принципов приводят к результату, аналогичному применению доктрины последствий.

Один из способов снижения рисков неразумного применения доктрины последствий предлагает профессор Томас Шульц, по мнению которого регулирование неправомерного поведения в киберпространстве должно осуществляться с помощью особых мер ответственности, связанных не с наложением санкций на лиц, осуществляющих нежелательное поведение, а с созданием препятствий, для осуществления подобной деятельности [\[18, с. 818\]](#). В качестве такого препятствия должны послужить средства блокировки доступа к информации, которая является незаконной с точки зрения какого-либо государства.

По его мнению, подобная фильтрация контента будет, с одной стороны, препятствовать доступу к информации, которую какое-либо государство считает незаконной, с другой стороны, позволит не создавать негативные последствия для лиц, осуществляющих легальную деятельность в пределах своей юрисдикции.

Отметим также, что в таком случае не возникает вопрос об установлении экстратерриториальной исполнительной юрисдикции, так как государства реализуют блокировку на уровне принимающего провайдера, находящегося под территориальной юрисдикцией государства.

Негативная сторона данного способа заключается в территориальной фрагментации Интернета на национальные киберпространства, что способствует снижению возможностей для свободы выражения мнений, а также для экономического, политического, социального и культурного обмена [\[9, с.96\]](#).

Таким образом, однозначного решения, способного примирить позиции всех заинтересованных сторон при установлении юрисдикции в целях регулирования последствий определенной деятельности в киберпространстве, в настоящее время не найдено.

Выводы

Децентрализованная трансграничная природа киберпространства, по всей видимости, приводит к все более широкому установлению экстратерриториальной юрисдикции государств в целях регулирования кибердеятельности, имеющей существенный эффект на территории государства.

По данной причине доктрина последствий получает все более активное признание в качестве принципа установления юрисдикции государств путем формирования нормы международного обычного права. Общепризнанные условия применения доктрины последствий заключаются в следующем: во-первых, государство, принимающее законодательство, основанное на доктрине последствий, должно иметь международно-приемлемую заинтересованность в этом; во-вторых, последствия должны быть прямыми, предсказуемыми и существенными; в-третьих, при применении доктрины последствий не должно происходить ущемление законных интересов других государств или иностранных лиц, не имеющих существенной связи с государством, которое претендует на осуществление такой юрисдикции.

Однако вопрос о применении доктрины последствий в отношении киберпространства остается до конца не изученным, в связи с чем данный принцип применяется с осторожностью, особенно когда речь идет об установлении юрисдикции по уголовным делам.

Используя доктрину последствий государства должны быть нацелены на выработку ясных критериев ее применения для того, чтобы избежать нарушения суверенитета других государств, а также разработать четкие правила действия для частных субъектов, которые осуществляя кибердеятельность не должны подвергаться риску наличия серьезных неблагоприятных последствий в юрисдикции, на которую их кибердеятельность не была направлена и об ограничении которой они не могли знать.

Подобные цели могут быть достигнуты путем разработки национального законодательства и последовательной судебной практики, основанных на принципах разумности и справедливости, учета позиций всех заинтересованных сторон. Кроме того, стоит рассмотреть и иные способы снижения негативных последствий экстратерриториальной юрисдикции, например: применять принцип нацеливания, требующий осуществлять оценку действий, которые лицо предпринимало в целях того, чтобы подпадать или не подпадать под юрисдикцию определенного государства; применять особые меры ответственности, связанные не с наложением санкций на лиц, осуществляющих незаконное поведение, а с созданием препятствий, для осуществления подобной деятельности. В качестве такого препятствия служат средства блокировки доступа к информации, которая является незаконной с точки зрения государства.

Без соблюдения данных требований доктрина последствий приближается к универсальной юрисдикции, основанной, однако, не на необходимости борьбы с преступлениями, совершение которых затрагивает интересы всего международного сообщества и посягает на международный правопорядок в целом, а на желании распространить собственное законодательство в качестве универсального средства регулирования отношений по всему миру.

Библиография

1. Post D. G. Against 'Against Cyberanarchy' // Berkeley Technology Law Journal. 2002. Vol. 17, №. 4. P. 1365–1387.
2. Payer A. The Territorial Principle as a Basis for State Criminal Jurisdiction: Particularly with Regard to Cross-Border Offences and Attempts, and to Multiple Parties to an Offence Acting in Different Countries // International Criminal Law Review. 2023. №. 23(2), P. 175-238.
3. Черниченко О.С. Международно-правовые аспекты юрисдикции государства: дис. ... канд. юрид. наук. М, 2003. 168 с.
4. Bernard H. O. Jurisdiction of States. Max Planck Encyclopedia of Public International Law. 2007 // URL: <https://files.pca-cpa.org/pcadocs/2019-28/Ukraine%20-%20Consolidated%20Legal%20authorities/UAL-51.pdf> (дата обращения: 04.03.2024).
5. Shaw M. International Law – 6th ed. – Cambridge: Cambridge University Press, 2008.
6. Cedric R. Jurisdiction in international law – Second Edition. – Oxford: Oxford University Press, 2015. – 235 p.
7. Документ A/61/10. Доклад Комиссии международного права о работе её пятьдесят восьмой сессии (1 мая – 9 июня и 3 июля – 11 августа 2006 года) // URL: https://legal.un.org/ilc/publications/yearbooks/russian/ilc_2006_v2_p2.pdf (дата обращения: 04.03.2024).
8. TIMOFEEVA Y. A. Worldwide prescriptive jurisdiction in Internet content controversies: a comparative analysis // Connecticut Journal of International Law. Vol. 20, 2005.
9. Research Handbook on International Law and Cyberspace / N.Tsagourias, R.Buchan. – Edward Elgar Pub, 2015 – 517 p.
10. Huo Z., Yip M., Extraterritoriality of Chinese Law: Myths, Realities and the Future // The Chinese Journal of Comparative Law. 2021. Vol. 9. Iss. 3, P. 328–358.
11. Терентьева Л.В. Экстерриториальное проявление юрисдикции государства в условиях трансформации восприятия его пространственных границ // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. №3. С.160-180.
12. Report of the Task Force on Extraterritorial Jurisdiction. International Bar Association, 2009 // URL: <https://www.ibanet.org/MediaHandler?id=ECF39839-A217-4B3D-8106-DAB716B34F1E> (дата обращения: 04.03.2024).
13. Всестороннее исследование проблемы киберпреступности (проект, февраль 2013 года) // URL: https://www.unodc.org/documents/organized-crime/cybercrime/Cybercrime_Study_Russian.pdf (дата обращения: 04.03.2024).
14. Броунли Я. Международное право (в двух книгах). Книга 1. – М.: Прогресс, 1977. – 535 с.
15. Каюмова А.Р. Уголовная юрисдикция в международном праве: монография. – Казань: Центр инновационных технологий, 2016. – 488 с
16. Заявление от имени Карибского сообщества (КАРИКОМ) по пункту 6 повестки дня: положения о процедурных мерах и правоприменении, четвертой сессии Специального комитета ООН по разработке всеобъемлющей международной конвенции о противодействии использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях (11 января 2023 года) // URL: https://www.unodc.org/documents/Cybercrime/AdHocCommittee/4th_Session/Statements/CARICOM_6.pdf (дата обращения: 04.03.2024).
17. Заявление Грузии к четвертой сессии Специального комитета ООН по разработке

- всеобъемлющей международной конвенции о противодействии использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях // URL: https://www.unodc.org/documents/Cybercrime/AdHocCommittee/4th_Session/Statements/Georgia_6_EN.pdf (дата обращения: 04.03.2024).
18. Заявление представителя Японии на четвертом заседании Специального комитета по разработке всеобъемлющей международной конвенции о противодействии использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях // URL: https://www.unodc.org/documents/Cybercrime/AdHocCommittee/4th_Session/Statements/Japan_6_EN.pdf (дата обращения: 04.03.2024).
19. Schultz T. Carving up the internet: Jurisdiction, legal orders, and the private/public international law interface // European Journal of International Law. 2008. Vol. 19. Iss. 4. P. 799–839.
20. Vagias M. The Territorial Jurisdiction of the International Criminal Court. – Cambridge: Cambridge University Press, 2014 – 264 p.
21. Goldsmith J.L. The Internet, Conflicts of Regulation, and International Harmonization // Governance in the Light of Differing Local Values / Ed. by C. Engel and K.H. Keller. – Nomos-Verl.-Ges. 2000.
22. Schmitt M. Tallinn Manual 2.0 on the International Law Applicable to Cyber Operations – 2nd ed. – Cambridge: Cambridge University Press, 2017. – 598 p.
23. Терентьева Л.В. Установление судебной юрисдикции по трансграничным делам о защите чести, достоинства и деловой репутации // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2023. №9 (109). С. 86-97.
24. Мажорина М.В. КИБЕРПРОСТРАНСТВО И МЕТОДОЛОГИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. №2. С. 230-253.
25. Каюмова А.Р. Эволюция пространственной сферы действия принципов уголовной юрисдикции государств: доктрина "эффекта" // Вестник ВУиТ. 2018. №4. С. 84-90.
26. Международное право : учебник / отв. ред. А. Н. Вылегжанин. – 2-е изд. – М. : Издательство Юрайт, 2010. 1002 с

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье является, как это следует из ее наименования, доктрина последствий как основание установления юрисдикции государств в киберпространстве. Заявленные границы исследования соблюдены автором.

Методология исследования в тексте статьи не раскрывается.

Актуальность избранной автором темы исследования не подлежит сомнению и обосновывается им следующим образом: "Особенности киберпространства, представляющего собой глобальную взаимосвязанную цифровую среду, включая аппаратное и программное обеспечение, данные и пользователей, а также логические взаимосвязи между ними приводят к тому, что влияние определенной деятельности может распространяться далеко за пределы территориального местоположения лица, которое подобную деятельность осуществляет"; "Подобные последствия могут иметь

разный масштаб и затрагивать как более частные интересы, например, при публикации в Интернете информации, порочащей честь, достоинство, деловую репутацию лица, нарушающей авторские права, так и публичные интересы, например, в случае получения неправомерного доступа к информационным базам крупных корпораций или государства. Основная сложность пресечения подобной деятельности и наложения санкций на лиц, ее осуществляющих, состоит в том, что достаточная связь между правонарушением, правонарушителем и местом возникновения последствий, необходимая для установления юрисдикции на основе традиционных принципов территориальности, национальности и защиты, может отсутствовать.

В отношении подобных случаев предлагается устанавливать юрисдикцию на основании доктрины последствий. Однако, возражения ряда государств против подобного экстра TERRITORIALного распространения иностранного законодательства и неопределенный характер доктрины последствий породили вопросы относительно соответствия доктрины последствий международному праву". Дополнительно ученому необходимо перечислить фамилии ведущих специалистов, занимавшихся исследованием поднимаемых в статье проблем, а также раскрыть степень их изученности.

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений и рекомендаций ученого: "...сложности с неопределенным характером доктрины последствий приводят к тому, что государства и в настоящий момент с большой осторожностью относятся к включению данного принципа в проекты международных договоров"; "Подобный пример демонстрирует, что разграничение доктрины последствий и иных принципов юрисдикции государства часто входит в сферу национального права и зависит от конкретных формулировок законодательных норм. Кроме того, национальный законодатель может регулировать последствия определенной деятельности ссылаясь при этом на иные признанные в международном праве принципы юрисдикции, но фактически применяя доктрину последствий"; "...установление юрисдикции на основании доктрины последствий должно ограничиваться не только сложностью осуществления исполнительной юрисдикции, но и соответствовать принципам разумности, справедливости и учитывать интересы других государств" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы вполне логична. Во вводной части статьи автор обосновывает актуальность избранной им темы исследования. Основная часть работы разбита на два раздела: "Юрисдикция в международном праве"; "Условия применения доктрины последствий". В заключительной части статьи содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию, но не лишено некоторых недостатков.

Так, автор пишет: "Термин юрисдикция не имеет нормативного закрепления в международном праве" - существительное "юрисдикция" необходимо взять в кавычки.

Ученый отмечает: "На доктринальном уровне юрисдикцию государств, как правило, понимают в качестве проявления суверенитета и определяют как способность государств предписывать и исполнять нормы права или как право государства навязывать свою власть, или как компетенцию государства воздействовать на поведение других субъектов, или как правовую власть [2, с.14]" - "На доктринальном уровне под юрисдикцией государств, как правило, понимают проявления их суверенитета и определяют ее как способность государств предписывать и исполнять нормы права или как право государства навязывать свою власть, или как компетенцию государства воздействовать на поведение других субъектов, или как правовую власть

[2, с.14]".

Автор указывает: "Одним из примеров является Китай, до недавнего времени придерживавшийся концепции ограничения экстратерриториальной юрисдикции" - "экстратерриториальной".

Таким образом, статья нуждается в тщательном вычитывании - в ней встречаются опечатки, орфографические, пунктуационные и стилистические ошибки (приведенный в рецензии перечень опечаток и ошибок не является исчерпывающим!).

Автору следует избегать сплошного цитирования - это указывает на невысокую степень самостоятельности работы.

Ученый перечисляет различные теоретические подходы к пониманию понятия "юрисдикция государства", но не осуществляет их критического анализа, не выявляет их достоинства и недостатки, не формулирует своей оригинальной дефиниции исследуемого понятия.

Автор отмечает: "В связи с увеличением количества практики государств в исследованиях, посвященных вопросам экстратерриториальной юрисдикции, доктрина эффекта стала выделяться в качестве самостоятельного принципа юрисдикции государств". Необходимо отметить, что доктрина эффекта - одна из форм проявления доктрины последствий (вариация данной доктрины).

Ученый пишет: "Профессор Каюмова А.Р., считает, что доктрина последствий также получила опосредованное закрепление в ряде конвенций [10, с.117-118]" - инициалы автора ставятся перед его фамилией.

Библиография исследования представлена 23 источниками (диссертационной работой, монографиями, научными статьями, аналитическими материалами, учебниками), в том числе на английском языке. С формальной точки зрения этого достаточно, но некоторые положения работы нуждаются в уточнении и углублении.

Апелляция к оппонентам имеется, как общая, так и частная (J.L. Goldsmith), и вполне достаточна. Научная дискуссия ведется автором корректно. Положения работы обоснованы в необходимой степени и проиллюстрированы примерами.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("Децентрализованная трансграничная природа киберпространства по всей видимости приводит к все более широкому установлению экстратерриториальной юрисдикции государств в целях регулирования кибердеятельности, имеющей существенный эффект на территории государства. По данной причине доктрина последствий получает все более активное признание в качестве принципа установления юрисдикции государств путем формирования нормы международного обычного права. Однако, вопрос о применении доктрины последствий в отношении киберпространства остается до конца не изученным, в связи с чем данный принцип применяется с осторожностью, особенно когда речь идет об установлении юрисдикции по уголовным делам.

Используя доктрину последствий государства должны быть нацелены на выработку четких и ясных критериев ее применения для того, чтобы избежать нарушения суверенитета других государств, а также разработать четкие правила действия для частных субъектов, которые осуществляя кибердеятельность не должны подвергаться риску наличия серьезных неблагоприятных последствий в юрисдикции, на которую их кибердеятельность не была направлена и об ограничении которой они не могли знать. Подобные цели могут быть достигнуты путем разработки национального законодательства и последовательной судебной практики, основанных на принципах разумности и справедливости, учета интересов всех заинтересованных сторон. Кроме того, стоит рассмотреть и иные способы снижения негативных последствий экстратерриториальной юрисдикции, например: применять принцип нацеливания, требующий осуществлять оценку действий, которые лицо предпринимало в целях того,

чтобы подпадать или не подпадать под юрисдикцию определенного государства; применять особые меры ответственности, связанные не с наложением санкций на лиц, осуществляющих незаконное поведение, а с созданием препятствий, для осуществления подобной деятельности. В качестве такого препятствия служат средства блокировки доступа к информации, которая является незаконной с точки зрения государства. Без соблюдения данных требований доктрина последствий приближается к универсальной юрисдикции, основанной, однако, не на необходимости борьбы с преступлениями, совершение которых затрагивает интересы всего международного сообщества и посягает на международный правопорядок в целом [23, с. 767] , а на желании распространить собственное законодательство в качестве универсального средства регулирования отношений по всему миру"), обладают свойствами достоверности, обоснованности и, безусловно, заслуживают внимания научного сообщества.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере международного права, информационного права при условии ее доработки: раскрытии методологии исследования, дополнительном обосновании актуальности его темы, уточнении отдельных положений работы, устранении нарушений в оформлении статьи.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования. В рецензируемой статье «Доктрина последствий как основание установления юрисдикции государств в киберпространстве» предметом исследования являются нормы международного и национального права, регулирующие общественные отношения в сфере определения государственной юрисдикции в киберпространстве.

Методология исследования. Основные методы исследования – сравнительно-правовой и формально-юридический. Методологический аппарат составили следующие диалектические приемы и способы научного познания: анализ, абстрагирование, индукция, дедукция, гипотеза, аналогия, синтез, типология, классификация, систематизация и обобщение. Применение современных методов научного познания позволило изучить сложившиеся подходы, взгляды на предмет исследования, выработать авторскую позицию и аргументировать ее.

Актуальность исследования. Актуальность темы исследования, заявленной автором, не вызывает сомнения, поскольку формирование новой реальности (киберпространства) требует соответствующего таким общественным отношениям правового регулирования. Сегодня в международном праве и национальном законодательстве происходит размывание четких границ между территориальностью и экстратерриториальностью закона в традиционном понимании. Как правильно аргументирует актуальность темы автор данной статьи, «особенности киберпространства, представляющего собой глобальную взаимосвязанную цифровую среду, включая аппаратное и программное обеспечение, данные и пользователей, а также логические взаимосвязи между ними, приводят к тому, что влияние определенной деятельности может распространяться далеко за пределы территориального местоположения лица, которое подобную деятельность осуществляет». Разработанная учеными-юристами «доктрина последствий (эффекта)» подвергается критике как со стороны официальных властей, так и представителей научного юридического сообщества: «...возражения ряда государств против подобного экстратерриториального распространения иностранного законодательства и неопределенный характер доктрины последствий породили вопросы

относительно соответствия доктрины последствий праву». Актуальность доктринальных разработок в этой сфере связана с необходимостью внесения ясности в правовое регулирование новых (цифровых) общественных отношений (особенно по вопросам противодействия киберпреступлениям), важностью и значимостью для совершенствования национального законодательства и практики его применения.

Научная новизна. Не подвергая сомнению важность проведенных ранее научных исследований, послуживших теоретической базой для данной работы, тем не менее, можно отметить, что в этой статье впервые сформулированы заслуживающие внимания положения, например: «используя доктрину последствий государства должны быть нацелены на выработку четких и ясных критериев ее применения для того, чтобы избежать нарушения суверенитета других государств, а также разработать четкие правила действия для частных субъектов, которые осуществляя кибердеятельность не должны подвергаться риску наличия серьезных неблагоприятных последствий в юрисдикции, на которую их кибердеятельность не была направлена и об ограничении которой они не могли знать». Автором по результатам написания статьи сделан ряд теоретических выводов и предложений, что указывает не только на важность этого исследования для юридической науки, но и определяет его практическую значимость.

Стиль, структура, содержание. Тема раскрыта, в целом содержание статьи соответствует ее названию. Соблюдены автором требования по объему материала. Статья написана научным стилем, использована специальная юридическая терминология. Однако не везде автор придерживается общепринятых правил написания научных статей, допускает повторы однокоренных слов в предложениях (например, «интересы всех заинтересованных» и др.). Также хотелось отметить, что статья структурирована лишь частично, в ее содержании отсутствуют отдельные смысловые разграничения: предмет исследования, цель и результаты исследования, выводы и научная новизна. Кроме того, автор не исследовал труды российских ученых, анализирующих проблемы юрисдикции государств в сфере информационного-коммуникационного пространства (например, работы Л.В. Терентьевой и др.).

В качестве замечаний также можно отметить:

1. Введение не отвечает требованиям, предъявляемым к этой части научной статьи;
2. В заключении следовало бы сформулировать все основные результаты, которые достиг автор в ходе исследования. Ссылки на других авторов в заключении неуместны;
3. Список библиографии следует актуализировать, указаны лишь публикации прошлых лет, самая «свежая» публикация датирована 2021 годом. Библиографические источники (и соответственно содержание статьи) следует актуализировать.
4. Встречаются в тексте опечатки (незаконное поведение и др.).

Замечания носят устранимый характер.

Библиография. Автором использовано достаточное количество доктринальных источников, как было отмечено ранее, не представлены ссылки на публикации последних лет. Ссылки на источники оформлены с нарушениями требований библиографического ГОСТа.

Апелляция к оппонентам. По отдельным вопросам заявленной тематики представлена научная дискуссия, обращения к оппонентам корректные. Все заимствования оформлены ссылками на автора и источник опубликования.

Выводы, интерес читательской аудитории. Статья «Доктрина последствий как основание установления юрисдикции государств в киберпространстве» рекомендуется к опубликованию с условием ее доработки. Статья соответствует тематике журнала «Международное право и международные организации / International Law and International Organizations». Статья написана на актуальную тему, отличается практической значимостью и имеет элементы научной новизны. Данная статья может

представлять интерес для широкой читательской аудитории, прежде всего, специалистов в области международного права, а также, будет полезна для преподавателей и обучающихся юридических вузов и факультетов.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

РЕЦЕНЗИЯ

на статью на тему «Доктрина последствий как основание установления юрисдикции государств в киберпространстве».

Предмет исследования.

Предложенная на рецензирование статья посвящена актуальным вопросам установления юрисдикции государств в киберпространстве. Автором рассматривается возможность построения концепции, которая описывала бы установление юрисдикции государств в киберпространстве с точки зрения доктрины последствий. Как указано в самой статье, «Предмет данного исследования составили нормы международных соглашений и национальных законов, регулирующие отношения по установлению юрисдикции на основании доктрины последствий, а также материалы и судебной практики, доктринальные источники по теме статьи».

Методология исследования.

Цель исследования прямо в статье заявлена. Как пишет автор, «Цель статьи заключается в построении концепции установления юрисдикции государства на основании доктрины последствий для регулирования отношений по использованию киберпространства и достигается за счет решения следующих задач: анализ института юрисдикции государств в международном праве; выявление истории становления и современного состояния доктрины последствий в международном праве; формулировка ограничений установления юрисдикции на основании доктрины последствий; обозначение механизмов ограничения экстратерриториального распространения юрисдикции на основании доктрины последствий». Исходя из поставленных цели и задач, автором выбрана методологическая основа исследования.

В частности, автором используется совокупность общенаучных методов познания: анализ, синтез, аналогия, дедукция, индукция, другие. В частности, методы анализа и синтеза позволили обобщить и разделить выводы различных научных подходов к предложенной тематике, а также сделать конкретные выводы из материалов практики.

Наибольшую роль сыграли специально-юридические методы. В частности, автором активно применялся формально-юридический метод, который позволил провести анализ и осуществить толкование норм действующего законодательства (прежде всего, норм международных актов и актов России и зарубежных государств). Например, следующий вывод автора: «В российском праве, по мнению Л.В. Терентьевой, доктрина последствий проявляется в спорах, возникающих из причинения вреда, имевшего место за пределами Российской Федерации, но вредоносные последствия которого возникли на ее территории (п. 4 ч. 1 ст. 247 АПК РФ), в отношении деятельности, имеющей место на территории иностранного государства, по выдаче оператором поисковой системы ссылок, позволяющих получить доступ к информации в сети Интернет (п. 11 ч. 3 ст. 402 ГПК), а также при распространении в сети Интернет рекламы, направленной на привлечение внимания потребителей, находящихся на территории Российской

Федерации (п. 2 ч. 3 ст. 402 ГПК)».

Следует положительно оценить возможности эмпирического метода исследования, связанного с изучением материалов судебной практики, прежде всего зарубежных государств. Так, отметим следующие рассуждения автора: «Доктрина последствий, в свою очередь, зародилась и получила развитие в рамках антимонопольного права США в середине 20 века и была направлена на регулирование деятельности, осуществляемой за пределами территории США, но последствия которой возникали в США. Так, в 1945 году Второй окружной суд постановил в антимонопольном деле *Alcoa* (*United States v. Alcoa*, 148 F.2d 416 (2d Cir. 1945)), что суды США обладают юрисдикцией в отношении иностранного поведения, затрагивающего США, указав, что: «любое государство может привлекать к ответственности иностранных лиц за деятельность, осуществляемую за пределами государственных границ, которая влечет за собой последствия на территории государства и которую государство считает противоправной»».

Таким образом, выбранная автором методология в полной мере адекватна цели исследования, позволяет изучить все аспекты темы в ее совокупности.

Актуальность.

Актуальность заявленной проблематики не вызывает сомнений. Имеется как теоретический, так и практический аспекты значимости предложенной темы. С точки зрения теории тема установления юрисдикции государств в киберпространстве сложна и неоднозначна. Сложно спорить с автором в том, что «Карта последствий, отображающая события и транзакции, происходящие в настоящее время в киберпространстве, выглядела бы совсем иначе, так как все транзакции в киберпространстве потенциально пересекают государственные границы и могут оказывать влияние на объекты и субъектов в различных юрисдикциях [1, с.1382-1383]. Подобные последствия могут иметь разный масштаб и затрагивать как более частные интересы, например, при публикации в Интернете информации, порочащей честь, достоинство, деловую репутацию лица, нарушающей авторские права, так и публичные интересы, например, в случае получения неправомерного доступа к информационным базам крупных корпораций или государства. Основная сложность пресечения подобной деятельности и наложения санкций на осуществляющих ее лиц состоит в том, что достаточная связь между правонарушением, правонарушителем и местом возникновения последствий, необходимая для установления юрисдикции на основе традиционных принципов территориальности, национальности и защиты, может отсутствовать».

Тем самым, научные изыскания в предложенной области стоит только поприветствовать.

Научная новизна.

Научная новизна предложенной статьи не вызывает сомнений. Во-первых, она выражается в конкретных выводах автора. Среди них, например, такой вывод:

«Децентрализованная трансграничная природа киберпространства, по всей видимости, приводит к все более широкому установлению экстратерриториальной юрисдикции государств в целях регулирования кибердеятельности, имеющей существенный эффект на территории государства. По данной причине доктрина последствий получает все более активное признание в качестве принципа установления юрисдикции государств путем формирования нормы международного обычного права. Общепризнанные условия применения доктрины последствий заключаются в следующем: во-первых, государство, принимающее законодательство, основанное на доктрине последствий, должно иметь международно-приемлемую заинтересованность в этом; во-вторых, последствия должны быть прямыми, предсказуемыми и существенными; в-третьих, при применении доктрины

последствий не должно происходить ущемление законных интересов других государств или иностранных лиц, не имеющих существенной связи с государством, которое претендует на осуществление такой юрисдикции. Однако вопрос о применении доктрины последствий в отношении киберпространства остается до конца не изученным, в связи с чем данный принцип применяется с осторожностью, особенно когда речь идет об установлении юрисдикции по уголовным делам. Используя доктрину последствий государства должны быть нацелены на выработку ясных критериев ее применения для того, чтобы избежать нарушения суверенитета других государств, а также разработать четкие правила действия для частных субъектов, которые осуществляя кибердеятельность не должны подвергаться риску наличия серьезных неблагоприятных последствий в юрисдикции, на которую их кибердеятельность не была направлена и об ограничении которой они не могли знать».

Указанный и иные теоретические выводы могут быть использованы в дальнейших научных исследованиях.

Во-вторых, автором предложены идеи по совершенствованию действующего законодательства. Приведенные выводы могут быть актуальны и полезны для правотворческой деятельности.

Таким образом, материалы статьи могут иметь определенных интерес для научного сообщества с точки зрения развития вклада в развитие науки.

Стиль, структура, содержание.

Тематика статьи соответствует специализации журнала «Международное право и международные организации / International Law and International Organizations», так как она посвящена правовым проблемам, связанным с определением юрисдикций государств.

Содержание статьи в полной мере соответствует названию, так как автор рассмотрел заявленные проблемы, достиг цели исследования.

Качество представления исследования и его результатов следует признать в полной мере положительным. Из текста статьи прямо следуют предмет, задачи, методология и основные результаты исследования.

Оформление работы в целом соответствует требованиям, предъявляемым к подобного рода работам. Существенных нарушений данных требований не обнаружено.

Библиография.

Следует высоко оценить качество использованной литературы. Автором активно использована литература, представленная авторами из России и из-за рубежа (Вылегжанин А.Н., Мажорина М.В., Каюмова А.Р., Терентьева Л.В., Goldsmith J.L., Vagias M., Schultz T., и другие). Многие из цитируемых ученых являются признанными учеными в области международного права.

Таким образом, труды приведенных авторов соответствуют теме исследования, обладают признаком достаточности, способствуют раскрытию различных аспектов темы.

Апелляция к оппонентам.

Автор провел серьезный анализ текущего состояния исследуемой проблемы. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. То есть автор показывает разные точки зрения на проблему и пытается аргументировать более правильную по его мнению.

Выводы, интерес читательской аудитории.

Выводы в полной мере являются логичными, так как они получены с использованием общепризнанной методологии. Статья может быть интересна читательской аудитории в плане наличия в ней систематизированных позиций автора применительно к заявленным проблемам.

На основании изложенного, суммируя все положительные и отрицательные стороны статьи

«Рекомендую опубликовать»